

ЖИВАЯ ЦЕЛЬ

У Ставропольского театра, как и у всякого другого, есть свои недостатки и свои достоинства. Смотришь спектакли ставропольцев и испытываешь попеременно удовлетворение и досаду; то хочется благодарить театр за найденное и угаданное, то дружески его критиковать.

Но, подводя итоги увиденному, приходишь к выводу, что в целом встреча с ищущим, темпераментным, очень задорным, «ершистым» театром радует. Опыт ставропольцев заставляет еще раз вспомнить о той истине, что выбор репертуара сам по себе еще не определяет степени общественной значимости театра. Можно обращаться только к монументальным полотнам и все-таки оставаться в стороне от жгучих задач, решаемых людьми в жизни. И можно камерные произведения поднять до масштабов большого гражданского разговора, если есть у театра публицистическая жилка, если он способен распознавать в избранной пьесе начало сегодняшнее, «сиюминутное». Именно так поступает в ряде случаев Ставропольский театр.

Возьмем «Историю одной любви» К. Симонова. Режиссер К. Чернядев умело игнорировал в пьесе мелочную борьбу самолюбий, развернул в своем спектакле правдивую жизненную историю.

Спектакль ратует за любовь без компромиссов, он говорит о сложности человеческих взаимоотношений, противопоставляет спокойной удачливости, расчетливому благополучию страстные поиски своего места в жизни, счастье трудных дорог. В спектакле торжествует высокая мораль и отсутствует ханжество, он поэтичен без слащавости.

То же расширительное толкование вкладывает театр и в свою последнюю, весьма удавшуюся работу — «Американскую трагедию» по Т. Драйзеру (постановка Г. Георгиевского, автор инсценировки Н. Базилевский). «Американская трагедия» в Ставропольском театре — это не полицейская хроника, щекощущая нервы. Трезвыми, сухими красками рисует театр Америку; выясняется, что можно быть жестоким не повышая голоса, что чековая книжка могущественнее дубинки полицейского, а безработица — страшнее ФБР. В этой будничной, «благополучной» Америке трагически гибнут надежды, страдают и плачут обездоленные и зреет народный гнев. Не о Клайде Гриффитсе, человеке, вовлеченном этой Америкой на путь преступления, повествует спектакль. Трагедия Киясела, Роберты Олден, «человека с фиалками», слепого певца с его горестной песенкой: «Говорят, что на Севере жизнь хороша», — в центре внимания театра.

Радует в этом спектакле соответствие замысла и воплощения, точный выбор образных средств. Непрерывной лентой развертывается действие, перемежаемое интермедиями «от театра»; жестко обрубаются картины внезапно наступившей темнотой; на задниках, выполненных А. Свищевым, небоскребы Америки открываются зрителю с тыла — холодные, непокрытые коробки без рекламы и украшений; на перилах наружных лестниц сушится белье, понуро сидят безработные у голой кирпичной стены. Безжалостно резко звучит в ушах Клайда усиленное репродукторами предостережение Гриффитса-старшего: «Не мечтайте!», и спокойно взирает на весь этот мир устойчивого беззакония голова знаменитой статуи Свободы, возникающая в финале спектакля.

Есть творческое, самостоятельное начало и в других работах театра — в «Иване Рыбакове» В. Гусева (постановка Г. Георгиевского) и в «Докторе» Бронислава Нушича (режиссер А. Шумилин).

«Иван Рыбаков» — это спектакль-размышление о сложных путях формирования юного поколения, о первых ошибках и расплате за них. Что касается «Доктора», то он ценен стремлением театра по-своему взглянуть на традиции комедии.

Однако попытка эта предпринята с негодными средствами. Театр забыл, что гипербола лишь тогда правомочна, когда рождена интенсивностью внутренней жизни героев. Мысль спектакля в большинстве случаев не раскрывается через актера, его комизм внешний, его веселье кажется вымученным. Здесь налицо ошибка, но ошибка, идущая от поисков, а не от равнодушного «присоединения» к уже существующим сценическим формам.

Есть досадное и в других спектаклях. В «Иване Рыбакове» серьезность и вдумчивость не всегда сочетаются с гражданским темпераментом, столь ощутимым в пьесе В. Гусева; в ряде сцен, где действие лишено «нерва», в спектакль входит то пресловутое, узко понятое — «как в жизни», которого не хочет, с которым воюет театр. В «Истории одной любви» вместо мужественной интонации появляется вдруг в иных местах интонация расслабленная, подслащенная. И даже в лучшей работе театра — «Американской трагедии» — допущены режиссером чужеродные вкрапления, имеющие целью «дополнить» Драйзера.

Да, театру можно предъявить упреки за многое, но самые эти упреки рождаются лишь потому, что судить его хочется по большому счету.

Не требуют скидок и сценические образы, созданные артистами. Театр существует девяносто лет, однако сегодня это молодой театр. Большинство членов его труппы находится в той счастливой поре, когда уже изжита сценическая незрелость, но чувства хранят всю свою молодую горячность. А. Бокова, В. Фоменко, Б. Дымченко, А. Томас, Б. Данильченко, Э. Новзан, несколько постарше М. Никольский, З. Котельникова, А. Подобед — какие это разные индивидуальности, как много потенциальных возможностей обнаруживает на сцене каждый из них!

Вот В. Фоменко. Сегодня он — Алеша Марков, настоящий «парень из нашего города», завтра — печально-мудрый «человек с фиалками», поставщик поэтического товара, не находящего спроса в буржуазном обществе; послезавтра — новые поиски современного характера в образе юного Вани Рыбакова.

Многогранна, остра по темпераменту А. Бокова, играет ли она немочку Клару в «Докторе» или Натю в «Истории одной любви». Интересен Б. Дымченко, комедийный актер, которому театр смело поручает драматическую роль Клайда и не ошибается в выборе.

Но, взяв за принцип горячность в игре, требуя, чтобы актер «затрачивался», тревожил себя, отдаваясь течению роли и пьесы, театр не всегда последователен в своих требованиях. Способная актриса А. Томас хорошо передает драму поруганной, брошенной Роберты Олден; почему же, играя Настю в «Иване Рыбакове», она так мало себя беспокоит? Почему вместо пламенных чувств в этой роли у нее чувства «теплые», вместо драматизма — печаль, вместо счастья — приятность? Почему Н. Маруфов отказывает своему герою Андрею Ваганову («История одной любви») в праве на человеческие переживания, на любовь к Кате?

Таковы противоречия Ставропольского театра. Они понятны. Театр в пути. Он еще не взял те высоты, на которые мечтает взобраться, но у него есть все для осуществления этой мечты.

З. ВЛАДИМИРОВА.